
Ави Га
Линейка, вальс
и договор на двоих

Ави Га

Линейка вальс и договор на двоих

«Автор»
2026

Га А.

Линейка вальс и договор на двоих / А. Га — «Автор», 2026

Пока политики в высоких кабинетах решают что делать, у них под ногами путается и выведывает секреты особой важности супершпион, способный проникнуть в самые секретные помещения и узнать все что ему надо. Для самого же него самой главной задачей является счастье его любимой женщины. Теплая, ироничная и светлая история о большой геополитике, шпионских играх и любви, ради которой можно горы свернуть, дороги проложить и асфальтом покрыть.

© Га А., 2026
© Автор, 2026

Линейка вальс и договор на двоих

Глава 1 Записки из тихого переулка и литерный экспресс на Берлин Позвольте представиться: Алексей Петрович Воронов, дипломат в отставке. Где я сейчас нахожусь, вам знать ни к чему — скажу лишь, что дом мой стоит в таком тихом и надёжно укрытом от чужих глаз месте, куда не заглядывают ни почтальоны, ни любопытные соседи. На каминной полке у меня до сих пор стоит старая серебряная рамка с потемневшей фотографией, а по утрам в доме пахнет свежемолотым кофе — именно так, как она любила. Но в те годы, о которых пойдёт речь, покой мне только снился. Официально я числился советником при Наркомате иностранных дел, специалистом по особым поручениям. Неофициально же обладал парой скромных талантов, о которых не знали даже в самом закрытом отделе кадров. Стоило мне прикрыть глаза и поправить воротник, как я мог без грима и паспорта превратиться хоть в седого британского лорда, хоть в берлинского кельнера, хоть в усатого румынского проводника. А если разговор принимал совсем уж неудобный оборот — умел шагнуть в тень у книжного шкафа и исчезнуть так, что у собеседников лишь сквозняком шевелило бумаги на столе. В большой дипломатии, доложу я вам, вещь незаменимая. Но, как выяснилось, от собственного сердца не спрячешься даже в самой густой тени.

На дворе стоял поздний ноябрь тысяча девятьсот тридцать девятого года. На запад, сквозь заснеженные леса Белоруссии, не останавливаясь ни на одном полустанке, мчался необычный состав — закрытый правительственный экспресс «Литер-А». Снаружи он выглядел как тяжёлый бронированный поезд тёмно-синего цвета без единой таблички или номера вагона — настоящий стальной призрак, для которого на всех узловых станциях заранее зажигали «зелёную улицу». Внутри же этот состав больше напоминал закрытый дипломатический клуб и передвижной штаб одновременно. В первом, салон-вагоне, отделанном карельской берёзой и зелёным сукном, располагалась высокая политическая делегация из Москвы во главе с заме-

стителем наркома Коршуновым — человеком жёстким, железным, не признающим никаких чувств, кроме государственной целесообразности. В соседнем вагоне с глухими шторами на окнах ехала группа ведущих инженеров-конструкторов и оборонщиков, среди которых выделялся главный специалист одного из ленинградских заводов Сергей Громов. Замыкал состав вагон-ресторан с собственной автономной пекарней, ледником и телеграфной рубкой для прямой связи с Кремлём. А в нашем купе второго вагона, прижавшись лбом к ледяному стеклу, сидела Елена — мой главный шифровальщик и переводчик. Женщина с глазами цвета балтийского янтаря и душой настолько чистой, светлой и глубокой, что рядом с ней даже моя привычная дипломатическая циничность рассыпалась в прах.

Мы любили друг друга той редкой, одухотворённой любовью, которая не требует громких слов, но заставляет без колебаний заслонить другого собой. Именно из-за неё у меня за час до полуночи случился тяжёлый, на грани разрыва, разговор с Коршуновым. — Вы теряете хватку, Воронов, — ледяным тоном бросил мне замнаркома, когда я докладывал ему вечернюю сводку. — Ваша сентиментальность к этому шифровальщику становится опасной. В Берлине нас ждут волки, а вы смотрите на неё так, будто готовы ради её улыбки отдать половину Польши. Учтите: если понадобится для дела, она — лишь разменная монета. Расходный материал ради большого договора. — Если с её головы упадёт хоть волос по вашей прихоти, товарищ Коршунов, — тихо ответил я, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость, — ваш большой договор не доживёт даже до утреннего кофе. И никакая охрана вас не спасёт. Мы разошлись почти врагами. Я вернулся в вагон-салон за полночь, когда официальные совещания стихли. Там мы и устроились вдвоём с Сергеем Громовым за чашкой крепкого индийского чая, приправленного лимоном и ароматным кавказским коньяком. На полированном столе между нами лежала большая контурная карта Европы, пока ещё чистая — без единой новой границы. — Значит, в Берлине всё-таки решили не лезть в британскую ловушку, — негромко сказал Громов, глядя на тёмное окно, за которым мелькали заснеженные ели. — В Лондоне, небось, сейчас локти кусают. Они ведь рассчитывали, что мы с немцами сцепимся насмерть, а они будут сидеть за проливом и считать барыши. — В Лондоне не просто кусают локти, Сергей Иванович, там в аптеках уже третий день скупают валерьянку, — усмехнулся я, аккуратно постучав мундштуком по краю хрустальной пепельницы. — Позавчера мне довелось по долгу службы... скажем так, поприсутствовать на одном закрытом ужине на Даунинг-стрит. Видели бы вы лицо Черчилля, когда ему принесли депешу о том, что наш литерный поезд уже вышел из Москвы! Он так сжал сигару, что та пополам переломилась.

Громов с уважением покосился на меня, не решаясь спросить, как именно советский дипломат попал на закрытый ужин в Лондоне. В этот момент дверь в салон-вагон бесшумно приоткрылась, и вошёл молодой атташе из свиты Коршунова — Вадим Скворцов, лощёный столичный мальчик из хорошей семьи. Он якобы заглянул забрать забытую папку, но я уловил, как его бегающий взгляд задержался на карте и на портфеле Громова. А ещё — лёгкий, едва уловимый запах дорогого американского табака «Честерфилд», который в Москве достать было невозможно ни за какие деньги. «Вот оно что, — мелькнуло у меня в голове. — Мелкий иуда уже на борту. И работает он явно на заокеанских друзей». Скворцов раскланялся и вышел, а я достал из нагрудного кармана красный и синий карандаши и положил их рядом с картой: — Вся эта пёстрая компания бывших лимитрофов — поляки, чехи, румыны, венгры с болгарами, которые двадцать лет строили из себя санитарный кордон против нас, — больше в расчёт не берётся. В Берлине мы закрепим жёсткую линию: Вся Западная Европа отходит в сферу интересов Германии, Восточная и Балканы — под наш полный контроль. И только когда политики поставят под этим свои подписи и выпьют по рюмке шампанского за крепкую дружбу — в дело вступите вы, технари. Мы им — эшелоны с нефтью, рудой и зерном, они нам — новейшую оптику, станки, тяжёлые морские дизели и секретные разработки. После чего

оба наших государства начнут подготовку главной партии — раздела британских владений на Ближнем Востоке, в Индии и высадки на сами Британские острова.

— А американцы? — прищурился инженер, отхлебнув горячего чая. — Официально Вашингтон держит строгий нейтралитет, — ответил я, глядя на дверь, за которой скрылся Скворцов. — В Белом доме не дураки сидят: лезть в драку против объединённого евразийского блока им сейчас не с руки. Но за океаном уже тихо перевели верфи и авиазаводы на три смены, а через своих мелких шпионов пытаются сунуть нос в наши бумаги. Ничего, в Берлине мы устроим им показательный спектакль. За окном протяжно, густо прогудел паровоз, сбрасывая ход — стальной литерный экспресс подходил к новой границе, где в свете прожекторов уже стояли рядом советские и немецкие пограничные наряды. В коридоре меня ждала Елена. Она молча поправила мне шарф, коснувшись тёплыми пальцами моей щеки, и тихо прошептала: — Я слышала ваш разговор с Коршуновым, Алёша. Прошу тебя, не рискуй собой ради меня. Если придётся выбирать между мной и большим делом... — Для меня нет дела важнее тебя, Лена, — тихо ответил я, бережно накрывая её ладонь своей. — И знай: что бы ни случилось в Берлине, я вытащу тебя из любого огня. Даже если мне придётся сгореть самому. Я поправил манжеты и приготовился к первому раунду берлинских переговоров. Из дневников генерал-лейтенанта бронетанковых войск СССР Николая Петровича Коршунова «Декабрь тридцать девятого запомнился мне не столько трескучими морозами под Минском, сколько необычными гостями на нашем закрытом испытательном полигоне. Еще вчера мы смотрели на немецких офицеров через прорезь прицела, а теперь в одном блиндаже пили горячий чай из алюминиевых кружек и спорили о толщине лобовой брони и угле наклона листов. Помню, привезли к нам инженера Громова с группой конструкторов, а следом подъехала немецкая комиссия во главе с их лучшими танкостроителями. Мы выкатили на заснеженное поле наш опытный образец — будущую тридцатьчетверку, еще сыроватую, с тесной башней и капризной коробкой передач. Немецкий полковник обошел машину трижды, постучал костяшками пальцев по наклонному листу, заглянул внутрь и покачал головой: Броня и проходимость — блеск, господа. Но оптика у вас слепая, а без рации в каждом танке дивизия в бою — как глухонемая. Мы не обиделись — дело сказал. Через неделю из Берлина пришли первые эшелоны с цейсовской оптикой, танковыми переговорными устройствами и тяжелыми координатно-расточными станками. А мы в ответ погнали на запад составы с высокооктановым бензином, марганцевой рудой и легированной сталью. Когда весной сорокового года наши обновленные корпуса вышли на совместные маневры в районе Бреста, даже старые генералы крякнули: такой ударной силы мир еще не видел. Стало ясно — ни одна армия в Европе против этого тарана не устоит». Глава 2.

Анхальтский вокзал, тень в рейхсканцелярии и серенада под сенью шпионов Ровно в девять ноль-ноль утра по среднеевропейскому времени тёмно-синий стальной призрак «Литер-А», выпустив густые клубы белого пара под высокие стеклянные своды Анхальтского вокзала, плавно замер у первого перрона. Берлин встречал советскую делегацию с таким размахом, будто на кону стояла не просто торговля, а судьба всего континента. Вдоль платформы тянулась свежая красная ковровая дорожка, почётный караул в парадных мундирах замер по стойке «смирно», а духовой оркестр грянул торжественный марш. На перроне уже выстроилась представительная встречающая сторона: высокие чины германского министерства иностранных дел в строгих чёрных пальто и цилиндрах, генералы вермахта и кригсмарине, поблёскивающие моноклями и орденами. Пока политики обменивались выверенными рукопожатиями и позировали вспышкам фотографов, я придерживал за локоть Елену, спускавшуюся по обледенелым ступенькам вагона. В своём скромном тёмно-синем пальто с меховым воротничком она казалась среди этих суровых мужчин в шинелях и фраках единственным живым, тёплым огоньком. — У тебя руки совсем ледяные, Леночка, — тихо проворчал я, накрывая её ладошки своими перчатками и осторожно согревая дыханием. — Вот подпишем этот вечный мир, и я поведу

тебя в самую лучшую берлинскую кондитерскую. Будем есть горячий яблочный штрудель со взбитыми сливками, пока не забудем, как пишутся дипломатические ноты.

— А если товарищ Коршунов увидит? — с тихой, лукавой улыбкой прошептала она, прижимаясь плечом к моему рукаву. — Он ведь скажет, что советский дипломат утратил классовую бдительность ради буржуазного пирожного. — Скажу, что провожу секретную разведку вражеского кондитерского тыла, — усмехнулся я, поправляя ей выбившуюся из-под шляпки золотистую прядь. — И доложу, что штрудель полностью капитулировал. Неподалёку, нервно поглядывая по сторонам, крутился наш «заокеанский доброжелатель» — Вадим Скворцов.

Ему явно не терпелось добраться до связного, чтобы слить информацию о секретном приложении к договору. Я решил, что грех не устроить юноше небольшую производственную гимнастику. — Вадим Сергеевич! — окликнул я его самым официальным и тревожным тоном. — Срочное, совершенно секретное поручение лично от замнаркома. Возьмите этот опечатанный кофр, доставьте его в наше посольство на Унтер-ден-Линден и ни на секунду не спускайте с него глаз! Там важнейшие шифры по балканскому вопросу. Скворцов аж вспыхнул от восторга, жадно схватил тяжеленный, опечатанный тремя сургучными печатями кожаный чемодан и умчался на посольском «Опеле». Он, бедняга, не знал, что внутри лежат три тома «Истории дипломатии» за позапрошлый год и пара чугунных пресс-папье для солидности. — Превосходная погода для начала новой эпохи, не правда ли, господин советник? — с лёгким акцентом обратился ко мне молодой немецкий статс-секретарь в безупречном сером пальто, когда наша делегация направилась к веренице чёрных «Мерседесов» у привокзальной площади. — Весь мир сегодня гадает, о чём будут говорить за закрытыми дверями на Вильгельмштрассе. В британском посольстве, по нашим сведениям, с утра жгут бумаги во дворе. — Пусть греются, осень нынче сырая, — любезно улыбнулся я в ответ. — А мы привезли с собой исключительно тёплые намерения и очень точные циркуляры.

Кортеж с мотоциклетным эскортом промчался по широким берлинским улицам и въехал во внутренний двор новой рейхсканцелярии. Пока политическую делегацию во главе с Коршуновым провожали в парадный мраморный зал для приветственного кофе, а инженера Громова с его группой направили в техническое крыло, я устроил Елену в уютной библиотечной гостиной, пообещав вернуться через десять минут, и незаметно отстал в длинной галерее. Официальные речи — дело красивое, но настоящий дипломат всегда хочет знать, о чём хозяева шепчутся без посторонних ушей за пять минут до того, как сядут за стол переговоров. Мраморный коридор был пуст, лишь в дальнем конце застыл часовой. Я сделал шаг в глубокую нишу за тяжёлой бархатной портьерой у дубовой двери, ведущей в малый зал совещаний, прикрыл глаза и позволил привычному холодку пробежать от кончиков пальцев до затылка. Через два удара сердца советник советского наркомата Алексей Воронов исчез. Вместо него из-за портьеры неторопливо вышел пожилой, чуть сутулый старший референт германского МИДа с седыми висками, в круглых очках в тонкой золотой оправе и с толстой кожаной папкой под мышкой — точная копия того старого архивариуса, которого я приметил ещё на вокзале. Я поправил лацкан серого пиджака, бесшумно приоткрыл боковую служебную дверь и скользнул в малый зал совещаний. У большого камина стояли трое: министр иностранных дел Германии, начальник штаба верховного главнокомандования и главный экономический советник. Говорили они вполголоса, но в пустом зале с великолепной акустикой каждое слово звучало отчётливо. Я тихо прошёл к дальнему книжному шкафу, делая вид, что сверяю рассадку табличек на длинном столе переговоров.

— Итак, господа, решающий час, — негромко произнёс министр, потирая ладони у огня. — Черчилль вчера ночью через швейцарского посредника передал последнее предложение. Обещают закрыть глаза на все наши приобретения в Центральной Европе и даже вернуть колонии, если мы разорвём московский поезд на полпути и повернём дивизии на восток. Начальник штаба коротко, сухо рассмехнулся: — Старая английская песня. Они хотят, чтобы мы обескровили себя в русских снегах, а потом придёт британский флот и продиктует нам условия нового Версаля. Нет уж, хватит. С Москвой у нас прямой расчёт: их руда, нефть и хлеб — наша сталь, оптика и дизели. Вместе мы за два года закроем Британскую империю на замок от Гибралтара до Сингапура.— Согласен, — кивнул экономический советник. — Только русские наверняка потребуют жёсткую линию по Балканам и проливам. Всех этих румын, венгров и болгар придётся списать со счетов без остатка. — Спишем, — отрезал министр. — Ни один из них не стоит того, чтобы ссориться с Кремлём. Подписываем большой Договор о мире и союзе сегодня же вечером. Я еле заметно улыбнулся, аккуратно поправил последнюю именную

карточку на столе и так же бесшумно вышел через боковую дверь. В нише за портьерой потребовалось всего мгновение, чтобы снова обрести собственный облик и поправить кашне. Когда через десять минут обе делегации торжественно вошли в зал, а на полированное дерево легли чистые карты Европы, линейки и цветные карандаши, игра шла строго по нашим правилам. К закату все основные протоколы были согласованы, и в парадном зале рейхсканцелярии начался торжественный приём.

Под огромными хрустальными люстрами сверкали эполеты, бриллианты, бокалы с рейнским вином и серебряные блюда. Я же в ту секунду забыл и про большую политику, и про передел Европы. Когда оркестр заиграл старинный венский вальс, я увидел, как Елена вышла из боковой галереи. На ней было закрытое платье цвета тёмного изумруда, которое удивительно оттеняло янтарный свет её глаз. Вся парадная мишура вокруг словно померкла. — Разрешите пригласить вас, фрау переводчик? — тихо произнёс я, слегка склонив голову. — Обещаю не наступать на туфли и не говорить о границах. Она положила руку мне на плечо, и мы закружились в медленном, плавном танце. В этом огромном зале, полном чужих взглядов и скрытых угроз, мы были словно на необитаемом острове. Я чувствовал тепло её ладони, видел, как спокойно и доверчиво она смотрит мне в глаза, и понимал: ради этого тихого света в её взгляде я действительно готов перевернуть весь мир. — Знаешь, Алёша, — тихо прошептала она, когда музыка замедлила ход, — если бы не эта большая политика и не наши тайные дела, я бы мечтала о маленьком доме у реки. Где по утрам пахнет свежемолотым кофе, а единственная шифровка — это список покупок к воскресенью.

— Будет у нас такой дом, Лена. Клянусь тебе, — твёрдо ответил я, бережно прижимая её чуть ближе к себе. — Обязательно будет. Внезапно вальс оборвался — Коршунов резким жестом подозвал меня к закрытому кабинету, где требовалось завизировать финальный текст коммюнике. Мне пришлось оставить Елену у зимнего сада всего на четверть часа. Но, как известно, даже четверти часа хватает, чтобы устроить комедию положений. Когда я, уладив дела с замнаркома, бесшумно скользнул за мраморную колонну зимнего сада, то замер, едва сдерживая улыбку. У фонтана стоял запыхавшийся, взъерошенный Вадим Скворцов — судя по следам сажи на манжетах, он уже успел помучиться с сургучом и понял, что таскал по Берлину учебники. Видимо, решив, что через меня к тайнам не подступиться, он решил зайти с другого фланга — через моего шифровальщика. И не придумал ничего умнее, как разыграть пылкого влюблённого. — Елена Андреевна, я больше не могу молчать! — с театральным надрывом вещал Скворцов, прижимая руку к фраку. — В этом холодном, жестоком мире дипломатии вы — мой единственный луч света! Алексей Петрович — сухарь, человек системы, он погубит вас своими заданиями! Уедемте со мной! У меня есть связи, деньги, мы уедем в Швейцарию, а оттуда — за океан, в Нью-Йорк! Я брошу к вашим ногам весь мир, только покажите мне черновики сегодняшних протоколов... то есть, простите, отдайте мне своё сердце! Елена стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на него с таким искренним, почти материнским сочувствием, с каким смотрят на простуженного котёнка.

— Вадим Сергеевич, — мягко, но убийственно спокойно произнесла она, — во-первых, от вас пахнет горелым сургучом и контрабандным американским табаком. Во-вторых, «весь мир» в Нью-Йорке мне ни к чему, потому что мой мир сейчас стоит у вас за спиной за мраморной колонной. И, в-третьих, если вы немедленно не перестанете портить воздух казённым пафосом, я лично доложу товарищу Коршунову, как вы пытались обменять государственные протоколы на билет до Швейцарии. Скворцов побледнел так, что слился со статуей античного бога у фонтана, и медленно обернулся. Я вышел из тени, поправляя манжеты и дружелюбно улыбаясь. — Ну что, Вадим Сергеевич, изучили «Историю дипломатии»? — ласково поинтересовался я, беря Елену под руку. — Похвально, похвально. А теперь у меня для вас новое, ещё более ответственное задание. Бегите-ка вы в посольский гараж и лично пересчитайте все запасные свечи зажигания в правительственном кортеже. Завтра утром доложите мне по форме.

И не забудьте: никому ни слова, это вопрос государственной важности! Предатель, ловя ртом воздух, попятился и буквально испарился в дверях зала, чуть не сбив с ног официанта с подносом шампанского. Мы с Еленой переглянулись и негромко рассмеялись. Я взял её тёплую руку в свою, поднёс к губам и тихо сказал: — Пойдём отсюда, родная. Бал закончен, а наш горячий штрудель в кондитерской на углу уже заждался. Из мемуаров генерала танковых войск вермахта Эриха фон Вальдштейна «В Берлине в ту зиму царило странное, почти пьянящее чувство облегчения. Всю осень мы в Генеральном штабе с тревогой смотрели на восток, зная, что война на два фронта станет для Германии приговором. Когда же стало известно, что в рейхсканцелярии подписан Большой Договор, а линия интересов проведена по карте твердой рукой без оглядки на Варшаву, Прагу или Бухарест, у многих из нас буквально гора с плеч свалилась. Меня поразили русские коллеги. Мы привыкли считать их медлительными, но их инженеры и штабисты схватывали все на лету, а масштаб их заводов и ресурсов заставлял замолчать даже самых самоуверенных наших генералов. На закрытых штабных играх в январе сорокового года мы впервые положили на стол единую карту операций против Британской империи. Пока наши подводные лодки и люфтваффе готовились запереть Ла-Манш и высадить десант на южном побережье Англии, русские штабы уже просчитывали бросок через Кавказ и Иран к Персидскому заливу — прямо в мягкое подбрюшье британских колоний. Лондон в ту зиму напоминал осажденную крепость. Мы знали из перехватов, что Черчилль в ярости, но сделать ничего не может: континент за его спиной впервые за столетия перестал воевать сам с собой и повернулся лицом к океану». Глава 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.